

И. Сергиенко

КОНЦЕПЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ XIX В. В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

В статье рассматривается формирование представлений о понятии «детская литература» в педагогической критике XIX в., прослеживается эволюция этого понятия, обозначается дискуссионность термина «детская литература». Уделяется внимание взаимосвязи критериев выделения объектов, относящихся к детской литературе, и концепций истории детской литературы. Анализируются принципы создания учебников по детской литературе во второй половине XX в. и рассматривается их связь с концепциями критиков XIX в.

Ключевые слова: детская литература, критика детской литературы, педагогическая критика, история детской литературы, учебники по детской литературе.

С момента появления первых критических статей о детских книгах, и позднее, с момента начала научного осмысления детской литературы, одним из наиболее дискуссионных был и остается вопрос о самом понятии детской литературы. Собственно и саму дефиницию «детская литература» нельзя признать корректной по аналогии с русской литературой / английской литературой; античной литературой / средневековой литературой и пр., так как, согласно этой модели «детская литература»¹ — это литература, написанная детьми, а массив произведений, написанных взрослыми и обращенных к детям, было бы правильнее назвать «литературой для детей». Нередко ставится знак равенства между понятием «детская литература» и кругом детского и юношеского чтения, куда входят произведения, написанные как для детей, так и для взрослых, иногда к «детской литературе» относят книги из школьной программы, тексты, в которых главными героями являются дети, автобиографическую прозу и прочее, что создает определенную терминологическую и методологическую невяжицу. Исследователи при этом озвучивают потребность

в четком определении детской литературы относительно литературы *per se*: «Критерии выделения детской литературы из общих рамок литературы до сих пор однозначно, объективно не установлены», — отмечает одна из наиболее авторитетных современных исследовательниц детской литературы И. Н. Арзамасцева [Арзамасцева, с. 17].

В современных западных подходах к определению понятия «детская литература» представлен широкий спектр концепций — от взгляда на детскую литературу как на часть общелитературного процесса, где особо подчеркивается амбивалентность ее текстов, адресованных как читателю ребенку, так и читателю взрослому (З. Шавит, П. Хант) до представлений о том, что «детская литература» еще фактически не написана, так как она создается взрослыми на основе противоречивых и изменчивых представлений о детях и мире детства. (П. Нодельман)². В отечественной традиции понятие «детская литература» имеет свойство предельно расширяться: в него включается и фольклор с мифологией, и образцы детского творчества, и классика мировой литературы, и многое другое. Отметим, что сближение детской литературы с корпусом шедевров мировой литературы, списком школьной программы, а так же «идеальным кругом» юношеского чтения отразилось, главным образом, в учебниках по детской литературе, созданных в период поздней советской эпохи (1970–1990-е годы) и в постсоветское время. Такой подход обусловлен рядом причин, в том числе, и попытками «вписать» детскую литературу в общемировой литературный процесс и тем самым ее легитимировать. Однако наиболее существенной здесь представляется связь с утилитарной, функциональной спецификой детской литературы, которая с момента своего возникновения рассматривалась исключительно как инструмент воспитания и агент педагогики. Эта концепция берет свое начало в работах критиков и педагогов XIX — начала XX в., и на сегодняшний день она еще не преодолена. Представляется бесполезным кратко очертить историческую ретроспективу того, как развивались и менялись представления отечественной критической мысли о понятии «детская литература», как писалась история детской литературы на ранних этапах ее осмысления и какое продолжение имели эти теоретические и исторические построения впоследствии.

Изначально критики, писавшие о детских книгах, видели свой предмет как неразделимое единство и тождество детской литературы и детского чтения. На первый план выходили проблемы

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Воспитание нового читателя: литература для детей в педагогической критике и цензуре (1864–1934)» 15-06-10359.

формирования круга чтения, организации руководства чтением, педагогическая (воспитательная) функция детской литературы, при этом попыток дать определение понятию «детская литература», отграничив его тем самым от других составляющих литературного процесса, почти не предпринималось.

В. Г. Белинский, справедливо считающийся основоположником критики детской литературы в отечественной традиции, много писал о роли чтения в воспитании, о круге чтения, о входящих в этот круг книгах хороших и «скверных», о том, какой должна быть детская книга по содержанию и стилю, об особом статусе детского писателя и пр., но практически нигде не говорил о том, что же собой представляет детская литература как таковая и на основании каких критериев она выделяется в общем потоке. Белинский, начинавший критическую деятельность как автор журнальных рецензий на текущие новинки, в большинстве случаев уточняет предмет рецензии — «довольно порядочные детские повести» (Рецензия на книгу «Добрые девушки», 1834) [Белинский 1953 I, с. 210], «плохая детская книжка» (рецензия на книжку «Вечера моей бабушки», 1835) [Белинский 1953 I, с. 241], «очень миленькая детская книжка» (Рецензия на книжку «Восемь дней вакансии», (1838) [Белинский 1953 II, с. 515], «хорошая детская книжка» (Рецензия на книжку «Разговоры отца с детьми», 1839) [Белинский 1953 III, с. 166] и так далее, особо выделяя эти книги в круге детского чтения, куда входит и «взрослая» беллетристика, и учебная, и научно-популярная литература. В его рассуждениях о том, что «наша литература особенно бедна книгами *для воспитания* в обширном значении этого слова, т. е. как *учебными* так и *литературными* детскими книгами» [Белинский 1953 II, с. 367] можно увидеть первую попытку деления детской книги на художественную и образовательную, принятую в современной книгоиздательской классификации. Саму же детскую литературу в целом Белинский выделяет по функциональному принципу: детская литература — это воспитательная литература, «книги, которые пишутся собственно для детей» — это «книги для воспитания» [Белинский 1953 II, с. 367].

Отношение Белинского к литературе, адресованной читателю ребенку, претерпело существенную эволюцию — если в период увлечения идеями позитивизма критик считает детскую литературу неотъемлемой частью детского чтения и одним из важнейших инструментов воспитания, резко ополчаясь лишь на низкий уровень детских книг, то в последние годы жизни он высказывается

радикально, в частности в обширной рецензии, опубликованной в журнале «Отечественные записки» в 1846 г.:

Мнения о полезности и необходимости детских книг теперь разделились на две противоположные стороны. Одна утверждает, что без этих книжек детям несть спасения; другая говорит, что они не только бесполезны, но и положительно вредны, и что, если детям должно читать что-нибудь кроме учебников, так это книги, которые читаются и взрослыми, разумеется, при условии строгого отбора. Мы сами много думали об этом вопросе и теперь решительно объявляем себя на стороне второго мнения <...> Для детей должны существовать не детские книги, но особенные издания книг, писанные для взрослых — издания, в которых должно быть исключено все такое, о чем им рано знать, все, что может дать их фантазии вредное для здоровья и нравственности направление.

[Белинский 1955 IX, с. 418]

Эта позиция Белинского связана с оценкой современной ему детской беллетристики и поэзии как рыночного ширпотреба, крайне низкопробного, конъюнктурно-утилитарного и рутинного, чьи недостатки становятся определяющими для всей детской литературы в целом, сообщая ей онтологическую дефектность. Даже творчество тех авторов, о которых Белинский отзывался положительно — В. Ф. Одоевского, А. П. Зонтаг, А. О. Ишимовой, А. М. Дараган и пр. — не делает в его глазах детскую литературу легитимной:

... за исключением слишком немногими и редкими, мы считаем вздорными и вредными не только наши русские книги для детей, но и их иностранные образцы, разгуливающие по всему свету под эгидою громких имен их знаменитых авторов. <...> загляните в эти книги — и вы невольно скажете: «Бедные дети, вам действительно нечего читать! И уж лучше вам вовсе ничего не читать, чем читать эти вздоры и пошлости!» <...> Несчастливы те дети, которых юный мозг засорится сперва чтением детских книг, потом водевилями, вздорными романами и всякою подобной дрянью!» — пишет критик в рецензии 1847 г. на повести Петра Фурмана, давая этим книжкам, впрочем, весьма положительную оценку.

[Белинский 1955 IX, с. 140].

Можно сказать, что Белинский определяет детскую литературу апофатически, через фигуру умолчания: «детские книги» — это те книги, которые должны быть заменены в чтении детей адаптированными взрослыми книгами. Очевидно, что под книгами, содержащими «вздоры и пошлости», подразумевается беллетристика и поэзия, то есть художественная детская литература, скептическое

отношение Белинского к которой могло быть вызвано не только ее низким художественным качеством, но и тем, что приоритетом в оценке детской книги в этот период для него стал критерий «пользы».

Таким образом, первый и «главный» критик детской литературы не оставил своим последователям внятной и четкой дефиниции «детской литературы», но легитимировал ее в качестве объекта критики. Почти не касался Белинский и вопроса истории детской литературы, который является одним из методологически значимых параметров для определения понятия «детская литература». Мало интересуясь этой проблемой, он отмечает в рецензии 1840 года: «В России писать для детей первый начал Карамзин, как и много прекрасного начал писать он первый. К «Московским ведомостям» прилагались листки его «Детского чтения», в котором замечательна «Переписка отца с сыном о деревенской жизни». Много читателей впоследствии доставил Карамзин и себе и другим, подготовив этим «Детским чтением». После он издал «Детское утешение»...» [Белинский 1983, с. 102]. Несмотря на ошибочное представление о Н. М. Кармазине как о детском писателе³, Белинский справедливо связал начало появления детской литературы в России с эпохой и деятельностью Н. И. Новикова, подчеркнув роль новиковского журнала в создании детского и юношеского круга чтения и в формировании самой социо-культурной категории читателя-ребенка.

Идеи Белинского подхватила и развила оживившаяся в 1860-е гг. педагогическая критика. Социально-экономические реформы 1860-х годов, развитие общественной мысли, расширение рынка детской книги, становление институций, занимающихся организацией и контролем за детским чтением, осознание педагогами своей миссии руководителей детского чтения и пр. — все это способствовало развитию критики детской литературы⁴. В 1862 г. выходит в свет первый систематический указатель детских книг Ф. Г. Толля «Наша детская литература», который считается одним из первых трудов, посвященных детальному обзору и анализу потока детской литературы. Характерно, что Ф. Г. Толль так же не дает определения детской литературе, но много пишет про то, какой должна быть хорошая детская книга и какие критерии позволяют оценить книгу для детей как плохую. Его обзор включает в себя книги, адресованные за небольшим исключением детям, причем как художественные, так и образовательные: учебные и научно-популярные. На это указывает и подзаголовок обзора: «опыт библиографии современной

детской литературы преимущественно в воспитательном отношении», где Толль представляет универсальный круг чтения ребенка «трех возрастов», но, в отличие от многих последующих критиков и педагогов, не включает туда «общую» (т. е. взрослую) литературу. Его — педагога-практика, члена Петербургского педагогического собрания и инициатора создания комиссии для отбора книг в народные библиотеки при Петербургском комитете грамотности, в первую очередь занимала «идея контроля и упорядочивания чтения ребенка, формирование определенного круга чтения» [Лучкина, с. 112]: «крайне необходимо, чтобы родители и воспитатели, давая детям в руки книгу, знали, т. е. были бы *вполне убеждены*, что чтение ее будет никак не вредно, а напротив, полезно дитяти» [Толль, с. 1]. В «беспорядочном чтении» Толль и другие педагоги-критики видят источник многих опасностей — «ослабления памяти, чрезмерного развития фантазии, привычки к празднему любопытству» [Толль, с. 1].

Интерес к идеям воспитания и вопросам детского чтения приводит к тому, что по этому поводу высказываются не только педагоги, но и литературные критики. Так, например, один из наиболее радикальных авторов в истории русской критики Д. И. Писарев в 1865 г. публикует в журнале «Русское слово» статью «Школа и жизнь», где говорит о том, что детям вовсе не следует читать детскую беллетристику:

Специально детская литература всегда и везде составляет и будет составлять одну из самых жалких, самых ложных и самых ненужных отраслей общей литературы. Развитие детской литературы и запрос на детские книги, несомненно существующий во всех современных обществах, объясняются просто и легко разными уродливыми особенностями, укоренившимися, во-первых, в господствующих системах первоначального воспитания и, во-вторых, в наших собственных нравственных привычках. <...> Здоровое общество всегда порождает здоровую литературу, а здоровая литература одинаково полезна для всех грамотных людей, без различия пола, возраста и состояния. Необходимость отдельной детской литературы указывает прямо на существование общественных болезней, с которыми мы свыклись и которые мы стараемся удержать и сохранить, как величайшую драгоценность и как источник любимейших наших наслаждений. <...>

В ученических библиотеках детские книги совершенно неуместны. Ученическая библиотека должна открываться для учеников только тогда, когда они уже будут в состоянии понимать и читать с удовольствием книги, написанные для взрослых, разумеется, не для таких взрослых,

которые ищут в книге скоромных описаний. Какие же книги должны входить в состав ученической библиотеки? — Произведения лучших беллетристов и критиков, русских, французских и немецких, описания замечательных путешествий, исторические сочинения и популярные книги по всем отраслям естествознания.

[Писарев, с. 395]

Впрочем, Писарев выступает против досугового детского чтения в принципе, считая его неподходящим для ребенка занятием — «убийством времени, гнусным продуктом безнравственной праздности» [Писарев, с. 396]. С этой точки зрения становится понятным его парадоксальное утверждение, согласно которому «так называемые хорошие детские книги гораздо безнравственнее и, по своему влиянию на общество, гораздо вреднее самых грязных и пустых романов французской фабрикации» [Писарев, с. 396].

В контексте обсуждения практических аспектов детской литературы и чтения детей в 1866 г. в журнале «Педагогический сборник» появляется анонимная статья «Чтение и литература для юношеского и детского возраста», важная для теоретического осмысления феномена детской литературы. В этой статье излагается взгляд анонимного автора на историю детской литературы, где он (она?) связывает появление детской литературы с развитием художественного творчества человечества в исторической ретроспективе, относя зарождение детской литературы к архаическим временам и полемизируя с теми, кто ведет отсчет детской литературы от эпохи Просвещения.

Литература для детей и юношества, в ее естественном источнике, представляет не что иное, как замену изустной беседы, посредством которой, во времена предшествовавшие изобретению письменности, люди взрослые сообщали детям и юношеству, для их развлечения и поучения, как факты своего личного опыта, так и дошедшие до них различные предания прежнего времени. Поэтому и содержание ее составилось из народных преданий, выбранных произведений народной литературы и, наконец, из особого, исключительно для детей и юношества назначенного рода сочинений. Но так как для юношества возможно и необходимо, в известной степени, и непосредственное знакомство с литературным достоянием людей взрослых, то вопрос о педагогическом значении чтения для юношества занимает более широкую область, чем вопрос о литературе для юношества.

В исследовании этого вопроса было бы весьма неосновательно брать за точку отправления только наши новейшие сочинения для детей, потому что они то именно и представляются столь бесхарактерными, перепутанными и, большей частью, совершенно непедагогическими, что едва

ли можно найти в них достаточное число данных для основательного, научного выяснения и определения значения и положения этого важного, в педагогическом отношении, вопроса. Поэтому необходимо обратиться назад, к древним простейшим отношениям, чтобы снова, на твердой исторической почве, утвердить и выяснить наш взгляд, уже предрасположенный и затемненный, под влиянием кажущегося и обманчивого обилия современной детской литературы. Только на основании строгих результатов подобного исследования можно оценить педагогическое значение чтения для юношества и составить понятие о хорошем сочинении для детей, а также и установить правила для надлежащего направления чтения.

Обыкновенно начало детской литературы считают со второй половины прошедшего столетия и называют Рохова, Кампе и Вейсе⁵ родоначальниками бесчисленного потомства друзей детей, — потомства, которое более стесняет нас, нежели содействует в настоящее время. Но это мнение справедливо только относительно одного особого рода детской литературы: между тем как чтение для юношества имеет вообще гораздо древнейшую (и более достойную) историю.

[Чтение и литература, с. 764]

Здесь мы можем наблюдать зарождение концепции «пан-инфантилизма» (назовем ее так) мировой литературы, которая опирается на тождество круга детского и юношеского чтения (в том числе и рекомендуемого школой) и детской литературы. Суть этого подхода состоит в утверждении, что детская литература существовала всегда, воплощаясь в характерных для той или иной эпохи устных или письменных жанрах, и что ее идентифицирующей чертой является поучительность и воспитательная интенция. Можно назвать ряд причин, вызвавших к жизни эту теорию, — стремление педагогической критики расширить круг детского чтения за счет включения туда лучших образцов мировой литературы, просветительская функция отбора этих книг, отсутствие научных представлений об истории и антропологии детства (о чем, говорит, например, замечание автора выше цитированной статьи о том, что античные юноши читали книги Гомера в школе и заучивали наизусть [Чтение и литература с. 765]) и т. д. Такой подход получил широкое распространение в педагогической традиции и стал методологической основой для создания учебников по детской литературе в советское время, а именно в послевоенную эпоху. Вряд ли авторы учебных пособий 1960-х–1990-х гг. были знакомы с трудами рядовых до-революционных критиков детской литературы, скорее всего, они пришли к такому приему, с одной стороны, под влиянием советской «схоластической» методологии, в которой идеологический запрос

доминировал над объективной реальностью. С другой стороны, авторы учебников были движимы педагогической интенцией к расширению круга чтения юношества.

С тех пор в вопросе об истории детской литературы критики и исследователи, как в XIX и XX вв., так и в XXI в., разделяются на два основных лагеря: одни ведут отсчет истории детской литературы от эпохи Просвещения, когда стали появляться уже не единичные книги для детей, как это было в XVII в.⁶, а сформировался массив изданий, целенаправленно адресованный «юношеству». Другие считают началом детской литературы различные эпохи — от Древности до Средневековья, — когда были созданы те или иные феномены литературы и книжности, которые могли бы попасть в круг чтения детей той эпохи или рекомендуются к прочтению современным детям сегодня. Этот вопрос является принципиальным для определения понятия детская литература, т. к. согласно утверждению современных исследователей: «наиболее объективным критерием вычленения детской литературы можно считать категорию читателя-ребенка <...> писатель выстраивает диалог с воображаемым читателем с учетом различия уровней этического и эстетического восприятия» [Арзамасцева, с. 17–18]. В этой связи говорить о существовании детской литературы до начала эпохи Просвещения представляется преждевременным, так как до этого времени в культуре не существовало не только категории читателя-ребенка, понятия «детское чтение» и пр., но и самого представления о детстве как об особом психофизиологическом и социальном явлении.

В последней трети XIX в. получили развитие оба подхода.

Анонимная статья «Чтение и литература для юношеского и детского возраста» в дополненном и переработанном виде была снова опубликована в «Педагогическом сборнике» за 1782 г. под заголовком «Детская литература и детское чтение» за подписью «К. М.» (псевдоним К. Н. Модзалевского (1944–1917), педагога и издателя журнала «Семья и школа» [Масанов 2, с. 16]). В этом варианте статьи указано, что в предыдущей публикации история детской литературы излагалась на основе труда некоего Кюнера (чью личность, на настоящий момент установить пока не удалось). Однако это замечание дает основания утверждать, что анонимный критик, опубликовавший статью в 1866 г., и «К. М.» — один и тот же автор: «В «Педагогическом Сборнике» уже была помещена статья (см. «Педагогический Сборник» 1866 г. кн. XI), знакомившая, по Кюнеру (“Jugendlecture und Jugendliteratur”), с историческим ходом

развития литературы этого рода и поэтому мы не будем здесь снова вдаваться в историю, а ограничимся преимущественно второй частью нашей задачи — изложением общих, руководящих положений» [К. М. 1782, с. 117].

В 1876 г. «К. М.» публикует в «Педагогическом сборнике» статью «Библиография. I. Книги для чтения детей и юношества», посвященную, главным образом, рекомендациям того, что можно и нужно читать детям, а что нежелательно, но и в ней «К. М.» ссылается на напечатанный ранее исторический обзор: «В «Педагогическом сборнике уже были три статьи, посвященные вопросу о детской литературе. В первой из этих статей (Педагогический сборник. 1866. кн. 9) был изложен исторический ход развития этой литературы <...>» [К. М. 1876, с. 275]. Эта работа, постулирующая теорию о возникновении детской литературы в глубокой древности, в слегка переработанном виде была опубликована в 1894–1895 гг. в журнале «Воспитание и обучение», но уже под псевдонимом «Е. Т.» (псевдоним педагога Е. И. Тихеевой (1867–1943) [Масанов 1, с. 362].

Автор статьи связывает возникновение литературы, адресованной детям, с книжной культурой древних цивилизаций, называя в числе первых книг для детей китайскую книгу Ши-Кинг⁷, древнеиндийский сборник басен «Хитопадеша» (XII в. до н. э.) и т. д.:

В Греции мы замечаем отсутствие детской литературы, — пишет автор, предполагая, что эти образцы не сохранились, — зато греческая литература владела неувядаемым творением Гомера <...> истинный и простой мир, раскрываемый в поэмах Гомера, оказывал на юношество глубокое воспитательное влияние и поэтому несколько не удивительно, если Илиада и Одиссея были настольными книгами для юношества и не только ревностно читались, но даже, по свидетельству древних, заучивались наизусть.

[К истории детской литературы, с. 43]

Критик стремится провести прямую преемственность детской литературы от античности до наших дней и для решения этой задачи легко заменяет детскую литературу произведениями, которые могли бы входить в детское чтение, и даже исторической эпохой, чьи события стали классическим материалом для дидактической литературы для юношества: «У римлян мы не находим ни одной книги для детского чтения. <...> Но самая история Рима представляла собой необъятное сокровище поэзии и служила прекрасною воспитательницей юношества (magistra juventutis)⁸, а избранные места

из Цицерона, Сенеки, Плутарха — лучший материал для чтения юношества» [Е. Т., с. 40–41].

Средневековая религиозная литература, эпос и фольклор так же, по мнению автора статьи, относятся к детской литературе. При этом автор предлагает любопытную периодизацию детской литературы, где выделяют два периода: *дохристианский* и *христианский*, отмечая внутри «христианского» «*новейший период*», начавшийся «с проникновением в литературу идей педагогики», и разрабатывает классификацию детской литературы по следующим направлениям:

1. *Христианская литература* (религиозная)
2. *Классическая литература* (античная)
3. *Национальная литература* (эпос, фольклор)
4. *Моралистическая литература* (нравоучительная)

[К истории детской литературы с. 188–190].

Работы «К. М.» / «Е. Т.» представляют большой интерес с точки зрения истории отечественной критики детской литературы, не только значительным объемом и широким охватом исследуемого материала, анализируя который автор демонстрирует значительную эрудицию, но и тем, что в его/их работах впервые встречается теория «всеобъемлемости» детской литературы. Именно эта теория легла в основу доминирующего подхода к предмету и изучению детской литературы в поздний советский и постсоветский период.

В работах критиков 1880–1890-х гг. высказывается и второй взгляд на историю детской литературы, который потом закрепился в трудах ведущих исследователей детской литературы — социологов, историков, библиографоведов — Н. В. Чехова, А. К. Покровской, И. И. Страцева, А. П. Бабушкиной, Е. П. Приваловой⁹. Так, например известный педагог, сотрудник множества педагогических журналов («Женское образование», «Образование», «Воспитание и обучение», «Вестник воспитания», «Русская школа» и др.), библиограф и плодовитый критик Н. А. Позняков (1856–1910) в 1895 г. публикует статью «Детская книга, ее прошлое, настоящее и желательное будущее» в журнале «Исторический вестник», где касается всех аспектов, субъектов и институций детской литературы — авторов, издателей, организаторов детского чтения, библиографов, педагогов и пр. Начинается статья с попытки исторического обзора детской литературы, где Позняков развивает позицию Белинского, сохраняя и ошибочное представление о Н. И. Новикове и Н. М. Карамзине как о первых отечественных авторах, пишущих для детей:

Основателем детского чтения на Руси справедливо считают Новикова <...> он начал в 1785 г. выпускать <...> бесплатные прибавления к издававшимся им «Московским ведомостям» под названием «Детское чтение для сердца и разума» <...> и прививать ребенку лучше духовные идеалы, расширяя вместе с тем его знания и кругозор — вот что имел ввиду этот «дедушка детского чтения», как его принято называть <...> Детская книга должна быть нравственна, умна, идейна, доступна малому возрасту по содержанию и языку, и притом, хороша по внешности <...>. Так оно и было вначале при первых пионерах детского чтения. Кто же они были? Николай Иванович Новиков, один из величайших русских сатириков и мыслителей в области религиозно-нравственной мысли и Николай Михайлович Карамзин, сначала помогавший ему, а потом и сам продолживший его «детское чтение».

[Позняков, с. 184]

Характерно, что описывая деятельность Новикова и Карамзина, как издателей журнала для детей, Позняков называет их «детскими писателями», приводя их биографии в пример как иллюстрацию к цитате из Белинского, что «детским писателем надо родиться, а не сделаться» [Позняков, с. 184]. К таким же писателям, которые «не родились, а сделались детскими», Позняков относит классиков русской литературы, которые, по его мнению, принимают эстафету создания детской литературы от Новикова и Карамзина — это «Гоголь, Пушкин, Аксаков, Толстой, Тургенев, Майков, Григорович, Плещеев, Максимов, Полонский, Погоский, Потехин <...> Так зачалась у нас детская литература и доброе семя, положенное в новое дело просвещенным человеком, продолжало возвращаться многие годы...» [Позняков, с. 185]

От классиков и беллетристов «общей литературы» Позняков проводит линию преемственности к авторам пишущим и издающим собственно детскую литературу. Он упоминает А. О. Ишимову, ее журналы «Звездочка» и «Лучи», П. Г. Редкина (издателя журнала «Библиотека для воспитания», 1843–1846), М. Б. Чистякова (издателя «Журнала для детей», 1851–1860) и прочих, отмечая, что, несмотря на «устарелость, сентиментальность и излишнюю чувствительность» их произведений, те «навсегда останутся верным свидетельством истинного понимания педагогических задач» [Позняков, с. 185].

Взгляд на детскую литературу, прежде всего, как на педагогический инструмент обусловил одну из постоянных тем для дискуссий — нужна ли специальная детская литература или, если она всего лишь «пружина воспитания», по выражению Ф. Г. Толля,

то не лучше ли заменить ее более качественными образцами литературы взрослой? Идея оттеснить литературу, специально написанную для детей, на периферию круга детского чтения оказалось одной из наиболее устойчивых в отечественной педагогической критике.

«Что же такое эта детская литература и имеет ли она право на существование?» — пишет в журнале «Педагогический сборник» детская писательница О. И. Рогова (1851–?), предвзято этим вопросом свое исследование «Лекции по детской литературе» (1889) [Рогова, с. 169]. Нередко на этот вопрос давались довольно радикальные ответы. Интересна в этом отношении статья «Нужна ли специальная литература для детей: Из иностранной педагогической литературы», опубликованная в журнале «Народное образование» за 1909 г. Ее автор, пишущий под псевдонимом «Н. Тичер»¹⁰, задавая в начале работы тот же самый вопрос «требуется ли для детей особая литература, специально для них назначенная» и подчеркивая, что ответ на него имеет большое значение для «педагогов, воспитателей, родителей и издателей» [Тичер, с. 293], в качестве материала для размышления приводит результаты опроса популярных немецких писателей, замечая «что в педагогическом смысле этот вопрос не решен не только в России, но и за границей» [Тичер, с. 294]. Часть немецких экспертов в его переписках высказывается против детской литературы: «Детская литература не имеет никакого права на существование и весь материал из детского и юношеского чтения должен быть избираем из трудов великих писателей», — это мнение известного немецкого педагога и критика Генриха Вольгаста [Цит. по Тичер, с. 295]. «Потребности в детской литературе вовсе не существует, — соглашается с Вольгастом писатель-модернист Пауль Хейзе, — она велика только у издателей и педагогов, желающих выбросить свой товар на рынок. Если какой-нибудь автор чувствует потребность написать что-либо для детской души, то пусть он это и делает. Но говорить о подобной детской литературе для меня является верхом извращения!» [Цит. по Тичер, с. 296]. Современную детскую книгу эти эксперты предлагают заменить в кругу детского чтения произведениями мифологии, национального фольклора и уже проверенной детской классики: «разве нет у нас народных сказок? Надеюсь, что и теперь никто не решится сказать, что сказки для воспитания детей потеряли значение — сказки Гримма, сказки Андерсена. Кроме того, разве нет у нас, нашей мифологии, героически саг, песни о Нибелунгах?» — пишет драматург Эрнст фон Вильденбрух¹¹ [Цит. по Тичер, с. 296].

В отечественной критике такой подход еще в начале XX в. был достаточно распространен: «Если бы мы могли составить библиотеку ребенка исключительно из произведений великих художников пера, это была бы идеальная библиотека», — отмечая утопичность этой идеи, пишет в 1908 г. в предисловии к отечественному критико-библиографическому указателю «О детских книгах»¹² известная детская писательница и публицист А. Н. Анненская [О детских книгах, с. 12], а О. И. Рогова полемизирует со сторонниками этой позиции:

...существует мнение, будто бы ребенка следует как можно раньше приобщить к общей сокровищнице человеческого духа, что следует чуть ли не сейчас после азбуки воспитывать на художественных образцах отечественной и иностранной литературы. <...> Детская литература не может состоять из одних только выборок известных авторов для взрослых, она должна иметь своих писателей, талантливых, знакомых с детской природой, писателей, умеющих писать для детей. Это необходимо, потому что детская литература не только выражает собой идеи истины, добра и красоты, но и преподносит их детям в исключительно конкретной форме, снисходя до мировоззрения ребенка и до его способов ускорения.

[Рогова, с. 176]

Идея полной замены детской литературы в чтении ребенка взрослой литературой более высокого художественного уровня на практике никогда не осуществлялась (хотя, индивидуальные педагогические эксперименты такого рода, возможно, и случались), но проговаривалась так часто, что стала еще одним общим местом педагогической критики и педагогического подхода к изучению детской литературы в целом. В частности, эта тенденция нашла свое отражение в методологии изучения и преподавания детской литературы в советский период.

Если в 1920-е гг. в этой области преобладал функциональный подход, представленный в работах Н. В. Чехова, А. К. Покровской, И. И. Старцева и др. и связанный как с дореволюционными работами Чехова и Покровской, так и с деятельностью Института Детского чтения (1920–1930), в рамках которого исследователи пытались предложить объективно-формальные критерии для выделения феномена детской литературы и детской книги¹³, то в последующий период в подходах к определению понятия детская литература возобладала идеология, замешанная на педагогических дрожжах дореволюционного периода. Под «детской литературой», начиная с 1930-х годов, стали подразумеваться произведения мирового фольклора и литературной классики, включаемые педагогами, библиотекарями

и методистами в круг детского чтения; книги, входящие в список внеклассного чтения; книги о детстве и т. д.

С одной стороны, это связано со стремлением вписать детскую литературу в общелитературный мировой процесс, придать ей более высокий статус, сконструировать такую «историю» детской литературы, которая развивалась бы параллельно истории литературы общей. Так миф, эпос и средневековая литература становятся «детскими» и открывают историю детской литературы, как это представлено в учебниках Ф. И. Сетина «Русская детская литература» (1972) год и учебнике «Зарубежная детская литература» под редакцией И. С. Чернявской (1974). Теория, возводящая возникновение русской детской литературы к литературе древнерусской, как это описывается в учебнике Ф. И. Сетина, связана еще и с конструированием мифа о грандиозности национальной (детской) литературы, что было характерно для советских идеологических доктрин послевоенной эпохи.

С другой стороны, такой подход безусловно обусловлен утилитарным и функциональным аспектом детской литературы: признавая необходимость высокого уровня художественности текстов для детей, советские специалисты по детской литературе трактовали ее, прежде всего, как все тот же воспитательный инструментарий, каким она была и в XIX в., добавляя функцию идеологического воздействия: «Являясь неотъемлемой частью всей советской литературы, литература для детей своими художественными средствами способствует идейному воспитанию подрастающего поколения, формируя мужественных и убежденных защитников коммунистических идеалов. <...> Детская литература как часть общей литературы является искусством слова. Ее особенности определяются воспитательно-образовательными задачами и возрастом читателей. Основная черта ее — органическое слияние искусства с требованиями педагогики», — говорится во введении к учебнику «Детская литература» 1976 года. [Детская литература, с. 7].

Далее автор вступительной статьи, литературовед и педагог Е. Е. Зубарева пишет о соотношении детской литературы, литературы «общей» и круга детского чтения:

Строго говоря, детская литература — это то, что создано мастерами слова специально для детей. Но, кроме того, юные читатели берут для себя многое из общей литературы (например, сказки А. С. Пушкина, басни И. А. Крылова, песни А. В. Кольцова, произведения фольклора и т. д.). Так возникает еще один термин — «детское чтение», т. е. круг произведений, которые читаются детьми. Эти два понятия иногда

скрещиваются, т. к. есть произведения общей литературы, которые мы уже не отделяем от детской. Обычно же детское чтение выходит за пределы привычного круга детской литературы, так как в нем оказываются такие произведения, как «Разгром» и «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Детство Никиты» А. Н. Толстого, «Повесть о детстве» Ф. Гладкова и т. д. <...> Издавна велась борьба за расширение круга детского чтения. Ее начали Н. И. Новиков, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, К. Д. Ушинский и продолжили А. М. Горький, В. В. Маяковский, С. Я. Маршак, А. Н. Толстой и другие писатели. Это глубоко принципиальная борьба, так как речь идет о постепенном, настойчивом, последовательном приобщении ребенка к жизни, о формировании его эстетического идеала.

В круг детского чтения входят:

- 1) произведения устного творчества народов СССР и других народов мира
- 2) дореволюционная классическая литература (русская, народов СССР и зарубежная)
- 3) современная литература (русская, народов СССР и зарубежная).

[Детская литература, с. 8]

Я позволила себе привести столь пространную цитату, потому что в этом фрагменте наглядно описывается принцип конструирования учебных курсов «детской литературы», ориентированных исключительно на специалистов-практиков — будущих учителей, воспитателей детских садов и детских библиотечкарей. Детская литература как научная дисциплина носит в этот период исключительно прикладной характер, а ее предмет совпадает с кругом официально рекомендованного чтения, по сути, представляя собой весь культурно-литературный багаж, овладение которым предписывалось образованному советскому человеку. Можно сказать, что такой подход в определенной степени отменяет детскую литературу, так как в «культурный капитал» будущего строителя коммунизма входит большинство значительных произведений мировой и отечественной литературы, при условии отсутствия в них явного противоречия советской идеологии.

Наиболее ярко этот принцип воплотился в одном из последних советских учебников по зарубежной детской литературе, вышедшем в 1989 г., куда включен обзор творчества таких писателей, как Эсхил, Овидий, Петрарка, Эразм Роттердамский, Рабле, Монтень, Шекспир, Сервантес, Мольер, Лафонтен, Вольтер, Роберт Бернс, Шиллер, Гете и прочих классиков мировой литературы, включая ранее запретного для детского чтения Ги де Мопассана и неодобряемого Александра Дюма-старшего. В предисловии подробно разъясняется

принцип отбора авторов, подчеркивается, что «структура данного учебника сложилась как итог раздумий авторов над путями наиболее эффективных форм и методов организации детского чтения» [Зарубежная литература для детей и юношества, с. 3], обосновывается значение творчества каждого из авторов в деле воспитания детей и подростков. «Тема всепобеждающей любви в сонетах Петрарки и Шекспира, в трагедии “Ромео и Джульетта”, проблема смысла жизни и назначения человека в монологах Гамлета и Дон-Кихота, тема гуманных отношений между людьми, ценностных ориентаций, человеческого достоинства в размышлениях Монтеня — все это близко юным читателям в пору духовного становления» [Зарубежная литература, с. 3].

Методологически и идеологически подобная эклектика восходит к хрестоматийной ленинской фразе: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», которая неизменно цитировалась во вступительных статьях к советским учебникам по детской литературе и носила характер своеобразной научной догмы. Фактически это означало тождество понятия «детская литература» с репертуаром чтения, рекомендованным детям и подросткам, который отличался от реального круга чтения тем, что не включал в себя массовую беллетристику, популярную в чтении подростков (приключения, фантастику, молодежную мелодраму и пр.). И в этом отборе книг так же проявлялась функция педагогического контроля.

Тенденция к максимальному расширению предмета детской литературы (которую, утрируя и упрощая, можно свести к силлогизму «всякая хорошая книга — детская») сохранялась в сфере теории и методологии изучения детской литературы и в постсоветский период. В частности, она повлияла на принципы создания учебных пособий по детской литературе — можно сказать, что при наличии разнообразных, оригинальных и авторитетных учебников о круге детского чтения, современного учебника по истории детской литературы на текущий момент не существует.

Примечания

¹ Аналогичным образом обстоит дело с термином «женская литература» (Women's Literature; Women's Writing), по поводу которого ведутся дискуссии (см. И. Е. Трофимова *Феминизм и женская литература в России* (1997); *Словарь гендерных терминов* (2002), А. А. Коробейникова *Женская литература как явление отечественной культуры* (2008) и др.).

² Zohar Shovit, *Poetics of Children's Literature*, London, 1986; Peter Hunt, *Literary Criticism: Criticism, Theory, and Children's Literature* Oxford, 1991, Perry Nodelman *The Hidden Adult: Defining Children's Literature* (2008).

³ Авторство «Переписки отца с сыном о деревенской жизни», напечатанной во II части журнала «Детское чтение для сердца и разума» за 1785 год, на сегодняшний день не установлено, часть исследователей приписывает его Н. И. Новикову см. [Берков 1952]; [Привалова 1964] и др. Так же остается неустановленным, какое издание или произведение имеется ввиду под «Детским утешением».

⁴ Подробнее об этом вопросе см.: [Лучкина 2012].

⁵ Фридрих Эбергард фон Рохов (1734–1805) немецкий педагог и детский писатель. Наиболее известен его сборник повестей «Друг детей» (1776), оказавший большое влияние на детскую литературу конца XVIII — начала XIX в.; Иоахим Генрих Кампе (1746–1818) немецкий педагог, детский писатель. Наиболее известные книги — «Маленькая детская библиотека» (1776), «Новый Робинзон» (1779), Христиан-Феликс Вейсе (1726–1804), немецкий писатель, педагог, издатель журнала «Детский друг».

⁶ Я. А. Коменский «Мир чувственных вещей в картинках» (1658), Карион Истомино «Лицевой букварь» (1694) и др.

⁷ Современное название «Ши-цзин» — «Книга песен», памятник древнекитайской литературы, созданный в XI–VI в. до н. э.

⁸ *Magistra juventutis (nam.)* — воспитательница юношества

⁹ Н. В. Чехов «Детская литература» (1909), «Введение в изучение детской литературы» (1915); А. К. Покровская «Основные течения в современной детской литературе» (1927), «Материалы по истории русской детской литературы: (1750–1855)» (1927); И. И. Старцев «Детская литература: Библиография 1918–1931» (1933) А. П. Бабушкина «История русской детской литературы» (1948); Е. П. Привалова «Русская детская литература XVIII в.» (1957)

¹⁰ Также и под псевдонимом «Н. Тич».

¹¹ Генрих Вольгаст (1860–1920), немецкий педагог, автор трудов о детской литературе и детском чтении, Пауль Хейзе (1830–1914) немецкий писатель-модернист, поэт и прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1910 года, Эрнст фон Вильденбрух (1845–1909), немецкий писатель и драматург, придерживался националистических взглядов.

¹² Указатель составлен кружком преподавателей и писателей, организованном при книжном магазине С. Скирмунта «Труд» в Москве, ставившем своей целью распространение грамотности и книг в народе.

¹³ См. например, фрагмент из Предисловия к указателю И. И. Старцева «Детская литература: Библиография 1918–1931»: «отсутствие литературоведения в области детской книги весьма затрудняет установление принципиальных границ ассортимента детской литературы и определения принадлежности к нему той или иной книги, за исключением явно выраженных детских изданий для младших и средних возрастов. Поэтому при отборе книжного материала составитель руководствовался, главным образом, признаками издательской типизации и серийности изданий, а также наличием на книгах читательских индексов и возрастных обозначений, определяющих категории детского читателя <...>» [Старцев, с. 5]

Источники

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том I. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 567 с.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том II. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 763 с.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том III. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 677 с.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том IX. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 798 с.

Белинский В. Г. О детской литературе / В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. М.: «Детская литература». 1983. 430 с.

Детская литература: Учебн. пособ. для дошк. отд. пед. училищ / Под ред. Е. Е. Зубаревой. М.: Просвещение. 1976. 399 с.

Е. Т. К истории детской литературы // Воспитание и образование. 1984. №1. С. 40–45.

Зарубежная литература для детей и юношества: Учебник для ин-тов культуры. Ч. 1. / Под ред. Н. К. Мещеряковой и И. С. Чернявской. М.: Просвещение. 1989. 255 с.

К. М. Детская литература и детское чтение // Педагогический сборник. 1872. №1. С. 117–146.

К. М. Библиография. I. Книги для чтения детей и юношества. Педагогический сборник. 1876. С. 275–334.

Писарев Д. И. Школа и жизнь // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений в 12 томах. М.: Наука. 2003. Т. 7. С. 294–469.

О детских книгах: критико-библиографический указатель книг, вышедших до 1 января 1907 года, рекомендуемый для чтения детям в возрасте от 7 до 16 лет. М.: Изд-во книжного магазина С. Скимунта «Труд». 1908. 18 с., 832 стб.

Позняков Н. И. Детская книга, ее прошлое, настоящее и желательное будущее // Исторический вестник. 1895. №10. С. 183–197.

Рогова О. И. Лекции по детской литературе // Педагогический сборник. 1889. №9. С. 169–178.

Старцев И. И. Детская литература: Библиография 1918–1931. М.: ОГИЗ-Молодая гвардия. 1933. 328 с.

Тичер Н. Нужна ли специальная литература для детей: Из иностранной педагогической литературы // Народное образование. 1909. №3. С. 293–300

Толь Ф. Г. Наша детская литература. Опыт библиографии современной детской литературы, преимущественно в воспитательном отношении. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара. 1862. 332 с.

Чтение и литература для юношеского и детского возраста // Педагогический сборник. 1866. №11. С. 763–803

Исследования

Арзамасцева И. Н. Детская литература: Учебник для студ. учрежд. высш. проф. образования / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. М.: Изд. центр. Академия, 2012. 576 с.

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952; 572 с.

Лучкина О. А. О. А. Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и другие // Детские чтения. 2012. №2. С. 115–136.

Лучкина О. А. «О том, как вредно читать в детстве всякие книги без разбору...»: отбор книг для детского чтения (1830–1850) // Конструирование детского: филология, история, антропология. М.-СПб.: Азимут; Нестор-история. 2011. С. 112–132.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1956. 422 с.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1957. 387 с.

Привалова Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // Русская литература XVIII в. Эпоха классицизма. М.-Л.: Наука, 1964. С. 258–268.

А. Димьяненко

ОСОБЕННОСТИ ИЗДАНИЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1920–1940-е гг.

В статье рассматриваются некоторые особенности издания художественной детской книги в условиях русской эмиграции в 1920–1940-е годы. Проанализировано состояние книжного дела русского зарубежья на общекультурном фоне. Определены основные центры издания детских книг, круг авторов, писавших для детей и жанрово-тематический репертуар издательств.

Ключевые слова: детская книга, издательство, русская эмиграция.

Возникновение и развитие издательского дела за рубежом тесно связано со всей культурной жизнью эмиграции. Феномен эмиграции обусловил появление русской книги за рубежом, и история ее издания тесно связана с основными этапами и событиями в истории русской эмиграции. Значительное место в книжном деле русского зарубежья занимает издание литературы для детей. Однако история детской книги, изучается исследователями фрагментарно: в контексте общего анализа вопросов культурного строительства или более частных направлений, таких, например, как развитие просвещения, периодики или книжного дела в целом. Комплексных монографических исследований о бытовании детской книги, ее создании и распространении за рубежом в указанный период п до сих пор не существует.

Детская книга русского зарубежья формировалась в тяжелых экономических условиях, в русле общего потока книгоиздания за рубежом. Ее выход сопровождался теми же трудностями, что и издание всей эмигрантской книги в целом. По утверждению М. Раева:

Один из видов литературы, имевшей колоссальное значение для воспитания детей в дореволюционной России, — журналы и книги, адресованные юному поколению, — как ни странно, почти отсутствовал в Русском Зарубежье. <...> Неспособность Русского Зарубежья продолжить